

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
БИОГРАФИИ**

ХИРОЮКИ АГАВА

АДМИРАЛ ЯМАМОТО

**ПУТЬ САМУРАЯ,
РАЗГРОМИВШЕГО ПЕРЛ-ХАРБОР**

1921–1943

Хироюки Агава

**Адмирал Ямамото. Путь
самурая, разгромившего
Пёрл-Харбор. 1921-1943 гг.**

«Центрполиграф»

Агава Х.

Адмирал Ямамото. Путь самурая, разгромившего Пёрл-Харбор.
1921-1943 гг. / Х. Агава — «Центрполиграф»,

Книга Хироюки Агавы – это подробный рассказ о потомке старинного самурайского рода Нагаока – Ямамото Исороку, начавшего военную карьеру кадетом в Русско-японскую войну и завершившего ее главнокомандующим Объединенного флота. Военно-морской атташе посольства Японии в Вашингтоне, Агава был противником войны с Соединенными Штатами и участвовал в Лондонской конференции по морскому разоружению, но вошел в историю как автор знаменитой атаки на Пёрл-Харбор. В книге повествуется о его военной и государственной деятельности, а также о частной жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хироюки Агава

Адмирал Ямамото. Путь самурая, разгромившего Пёрл-Харбор. 1921–1943 гг

Глава 1

1

Передо мной выцветшая от времени групповая фотография. На ней Ямамото Исороку, в те времена капитан 1-го ранга, вместе с более чем двадцатью другими офицерами, окончившими в один год с ним Военно-морскую академию. Снимок сделан в середине или в конце 1920 года, у входа в клуб морских офицеров.

Кроме Ямамото, можно узнать и других – тогда в расцвете сил; позднее все они стали адмиралами, занимали ключевые посты в императорском флоте Японии и влияли на судьбу целой нации. У одного улыбка сорвиголовы; лицо другого, высокого, торчит над остальной группой как водосточная труба; большинство – типичные морские волки, половина с усами по моде того времени. Однако верхняя губа Ямамото чисто выбрита; он поменьше ростом, и, судя по выражению, пойманному камерой, это человек мягкий, почти жалкий. Фотографии адмирала Ямамото Исороку, главнокомандующего Объединенного флота, столь популярные в печати военного времени, оставляют несколько другое впечатление – отчасти, несомненно, благодаря усилиям тех, кто фотографировал и публиковал снимки. А на том, о котором речь, этакий коротышка: чуть наклонился, чем-то удручен.

Соберите нескольких, не знающих, как выглядел Ямамото, и спросите, о ком из этих двадцати с небольшим скажешь, что он разработал впоследствии план атаки на Пёрл-Харбор и командовал флотом, осуществившим этот план, – вряд ли кто-нибудь выберет нужное лицо.

Ямамото Исороку и в самом деле невысокого роста. 18 апреля 1943 года, когда он отправился в свой последний полет с восточной взлетной полосы на Рабаул, младший офицер Хайяси Хироси, командир истребителя, сопровождавшего его, впервые увидел Ямамото. Хайяси, сам по себе крупной комплекции, признался, что ему пришла мысль: «Почему это главнокомандующий раза в два меньше меня?»

Рост его 5 футов 3 дюйма (около 160 см), весил он примерно 125–130 фунтов (56–58 кг); сложения чуть не по-женски хрупкого; с пальцами пианиста (как утверждает одна хорошо его знавшая хозяйка ресторана). Правда, в отличие от пианиста он имел лишь восемь пальцев. Общеизвестно, что во время Цусимского сражения в результате прямого попадания русского снаряда в корабль «Ниссин», на котором Ямамото служил кадетом, ему оторвало у самого основания средний и указательный пальцы левой руки. Сам Ямамото вспоминал: «С оглушительным грохотом снаряд врезался в еще остававшуюся носовую 8-дюймовую пушку. Ядовитый дым окутал носовую часть корабля, а меня чуть не снесло силой жестокого взрыва. Я проковылял несколько шагов – и тут обнаружил, что таблицы, что висели у меня на шее, исчезли, а два пальца левой руки отхвачены и висят на одной коже».

Отсюда можно предположить, что он сам верил в это многие годы. Но кажется, истина состоит в том, что разорвало одну из собственных пушек «Ниссина», – это случается, когда ослабленная сталь ствола – после перегрева из-за непрерывной стрельбы на нее обрушиваются холодные волны – уже не способна сдерживать газы при выстреле. Вражеский ли снаряд тому причиной или несчастный случай на борту собственного корабля, только Ямамото знали в

квартале гейш Симбаси как Восемьдесят Сен – такое он получил прозвище (обычная плата за маникюр гейши, всех десяти пальцев, – одна иена). Помимо потерянных пальцев, на теле его остались от того инцидента и другие примечательные шрамы...

Для Ямамото его физические данные не играли роли. На упомянутом фото мы видим гладко выбритого интеллигента, без особых внешних отличий. Ничего от облика жестокого военного лидера, – однако отсюда ни в коей мере не следует, что он не соответствовал посту главнокомандующего Объединенного флота.

Кроме того, разглядывание фотографии вызывает разнообразные чувства у тех, кто знает этот период истории. Известный своей прямоотой адмирал Инуэ Сигейоси, возглавлявший бюро по морским делам в то время, когда Ямамото был заместителем министра, делил адмиралов на первоклассных и второсортных. Из четырех (редкое число), произведенных в это конкретное звание, – Сиозава, Йосида, Ямамото и Симада – только Ямамото достиг первого класса.

Йосида Зенго, предшественник Ямамото на посту главнокомандующего Объединенного флота, вернулся министром в морское министерство, когда Ямамото оставил этот пост. Видимо, Ямамото чувствовал, что Йосиде можно доверить ту работу, которой он занимался вместе с министром Йонаи; но Йосида вскоре оставил этот пост.

В сформированном Тодзио правительстве Симада Сигетаро стал морским министром и оставался на этой должности с начала войны (Ямамото погиб в бою) до того момента, пока Тодзио неохотно расстался с властью – в июле 1944 года, после падения Сайпана. Он столь рабски исполнял распоряжения Тодзио, что за спиной его именовали «лакеем Тодзио».

Невозможно избавиться от ощущения – лучше бы Ямамото в какое-то подходящее время сам вернулся в правительство. Покинь он флот и стань морским министром, – Японию, возможно, ожидала бы другая судьба (хотя в этом случае какой-нибудь японский убийца избавил бы от хлопот того американского пилота, который покончил с Ямамото несколько позже). Действительно, чтобы изучить карьеру Ямамото и ее связь с последней войной, надо знать и это время, и, опять же, что случилось бы, если бы... И вот с одного маленького из этих «если бы», представленных жизнью Ямамото, хотелось бы начать всю историю.

2

Это случилось (или, более точно, не случилось) в тот самый день, когда император назначил Ямамото главнокомандующим Объединенного флота.

В Японии сегодня имя Соримачи Эйичи знакомо многим. Ходил в ту же среднюю школу в Нагаоке, что и Ямамото, и, хотя младше на пять лет, стал одним из его закадычных друзей в родном округе. Двухтомный труд Соримачи под названием «Ямамото Исороку. Мужчина» описывает до мельчайших деталей атмосферу семьи Ямамото, его рождение и воспитание; пусть вся история преподносится тенденциозно и оспины выдаются за милые ямочки, а многие касающиеся героя неблагоприятные вещи опускаются – все равно в ней содержится материал, который нельзя найти в других источниках.

Утром 30 августа 1939 года Соримачи сел на станции Сибата главной магистрали Уэцсу в экспресс, отбывающий в Токио. В вагоне второго класса заметил своего старого знакомого Исивару Кандзи, в форме генерал-майора. Приветствовал Исивару и поинтересовался, куда тот направляется. Исивара ответил, что его назначили командующим 16-м дивизионом и он едет в Токио. Ему назначена аудиенция императора, и он намерен дать совет в том плане, что нынешнюю войну («китайский инцидент») следует остановить; хотел бы заявить то же самое и принцам Чичибу и Такамацу.

– Знаю, что в этом вагоне полным-полно переодетых полицейских и агентов политической полиции, – сказал он, – но это мне не мешает заявить, что подобное занятие погубит Японию, если мы вовремя не остановимся. В самом деле, – продолжал он, – я также надеюсь

увидеться с заместителем министра Ямамото. Он единственный человек на флоте, который может остановить войну... Я хотел бы встретиться с ним 3 сентября, – может быть, ты ему попозже позвонишь и скажешь, что я собираюсь увидеться с ним?

Исивара, который какое-то время был на короткой ноге с Ямамото, воспринимался в армейских кругах как что-то вроде еретика. Ярый сторонник учения «Ничирен», он верил, где-то через 2500 лет после смерти Будды (примерно в 2000 году) создадут что-то вроде «всемирного правительства», но на пути к нему разгорится война в беспрецедентных масштабах. Именно он планировал «маньчжурский инцидент», имея идею создания в Маньчжурии некоего идеального государства, в котором «будут жить в гармонии пять рас». В этих аспектах могло быть некоторое несовпадение его и Ямамото точек зрения, но, как только был развязан «китайский инцидент», он немедленно выступил с призывом к его локализации. Считал, что войска не следует использовать до начала «последней войны» человечества и инцидент необходимо быстро урегулировать, с тем чтобы избежать немедленной конфронтации с Америкой и Британией. По крайней мере в этом он, вероятно, нашел бы в Ямамото симпатизирующего ему слушателя.

– Как долго ты будешь в Токио? – тихо спросил Соримачи, предупрежденный, что военная и политическая полиция может подслушивать. – Понятно. Я сразу дам знать Ямамото.

Оставшиеся полтора часа, пока поезд не прибыл в Нагаоку, их беседа не представляла интереса, и на станции Нагаока они расстались.

Соримачи ехал провести урок в начальной школе в деревне, лежащей посреди холмов где-то за Мьяучи, следующей за Нагаокой станцией. Урок начался в три часа и длился чуть ли не до заката, когда Соримачи и других присутствовавших накормили в доме какого-то местного шишки, располагавшемся на холме. Пока они ели, примчался запыхавшийся человек из деревенской администрации со срочным сообщением для Соримачи. Там по радио они услышали сообщение: заместитель министра Ямамото назначен на пост главнокомандующего Объединенного флота и побывал во дворце на церемонии облечения полномочиями. Деревенский староста и все присутствующие взволнованно поднялись при этой новости и трижды поаплодировали. Сам Соримачи, в возвышенном состоянии духа, немедля отправился в деревню и на такси вернулся домой в Нагаоку, где заказал разговор с Токио. Когда его соединили, он поздравил Ямамото, и они беседовали, пока Соримачи вдруг не вспомнил о просьбе Исивары, которую от волнения временно упустил из памяти. Он рассказал Ямамото о встрече в поезде и о заявлении Исивары.

– К сожалению, – отвечал Ямамото, – я должен завтра отправиться на корабли и встретиться с ним не смогу. Но когда в следующий раз увидишь – передай ему мои добрые пожелания.

Если бы назначение Ямамото главнокомандующим состоялось на четыре-пять дней позже, встреча, на которую надеялся Исивара, возможно, произошла бы. Произойди это – и развитие «китайского инцидента», а в сущности, все будущее Японии имело бы совсем другой характер; кто знает, но шанс упущен. Ямамото ушел в море и с того времени вплоть до смерти больше не встречался с Исиварой.

3

В тот день, в 5.30 пополудни, Ямамото после поездки в Императорский дворец, где ему вручили полномочия главнокомандующего Объединенного и 1-го флотов, вернулся в здание из красного кирпича, где размещалось морское министерство.

В тот день газеты на видных местах поместили его высказывания при вступлении на новый пост под заголовками: «Вновь поднимаем паруса на семь морей после шести лет на берегу. Ямамото – суровый, молчаливый адмирал». Вот типичное его описание в одной из ста-

тей: «Крепко сбит, безукоризненная белая форма; в чертах лица мужественность, осознание торжественности момента, волнение; видна решительность характера; походка уверенная... Так выглядел вице-адмирал, входя в зал для пресс-конференции. Сегодня, хотя это нетипично для него, он осушил кружку пива одним глотком и с видимым удовольствием; затем произнес свою первую фразу в ранге главнокомандующего:

– Перед нами стояли всевозможные проблемы, но я сделал все, что мог. Мне нечего комментировать. Я преисполнен сознанием великой важности задачи, которую мне незаслуженно доверили, и намерен сделать все, что в моих скромных силах, на службе его императорскому величеству. Для любого моряка пост главнокомандующего – величайшая честь из всех возможных, и я это великолепно понимаю».

Статья, сопровождающаяся фотографией Ямамото, на которой он сверкает ослепительно белыми зубами, продолжается в таком же духе и сообщает ничуть не больше, чем любая газета в то время.

Ямамото, служивший заместителем министра при четырех сменявших друг друга правительствах – Хироты, Хайяси, Коноэ и Хиранумы, – был исключительно популярен у репортеров, аккредитованных при морском министерстве. «Какие бы вопросы вы мне ни задавали, – говорил он журналистам, – я всегда отвечу хотя бы „да“ или „нет“. Но рассчитываю, что вы станете мне верить». Он не отказывался беседовать с ними о сравнительно острых проблемах; иногда репортеры при офисе премьер-министра приходили к выводу: чтобы добраться до сути проблемы, им следует обратиться в морское министерство, к заместителю министра Ямамото. Он неизменно прямолинеен, не любит дипломатической лжи. Иногда становится драчливым в выражениях; способен заявить о ком-нибудь: «Терпеть не могу его характер!» или: «Только осел мог произнести подобное. Сюда бы его!»

Он нередко появлялся в Кокучокаи (Обществе черного потока) в морском министерстве; здесь находился старейший журналистский клуб Японии, и туда заходили некоторые из наиболее талантливых тружеников пера, прикрепленных к различным министерствам. Ямамото поигрывал в шоги (японские шахматы) и болтал с ними, и для них были всегда открыты двери его резиденции заместителя министра; невзирая на позднее время, угощал журналистов виски и сигарами и, расставаясь, провожал до дверей. Одна из причин, почему эти встречи проходили поздно ночью, – сам Ямамото возвращался домой в любое время, исчезая с работы в неизвестном направлении, как только она заканчивалась.

Репортеры, ответственные за сбор новостей из морского министерства, хорошо знали, что это за «всевозможные проблемы», на которые он ссылался, и как он «сделал все, что мог». Знали и то, что, если б хотел, он мог бы дать все необходимые объяснения. Но нельзя об этом сообщать напрямую в газетах. В любом случае он привлекателен как человек и служит важным источником новостей – и репортеры искренне расстраивались, когда человек, которого они за глаза звали Исороку, уходил в морское плавание. Днем раньше Объединенный флот отправил старшего помощника командующего Фудзиту Мотосиге в Токио, чтобы проводить вице-адмирала Йосиду Зенго и привезти нового командующего. Покинув флагман «Нагато», Йосида и Фудзита тут же переоделись в штатскую одежду для поездки в Токио на поезде; пресса тем не менее пронюхала о них и вторглась в ночной поезд, намереваясь выведать у Йосиды кое-что о его надеждах и впечатлениях при вступлении на пост морского министра, и Фудзите пришлось всю ночь серьезно трудиться, чтобы расстроить попытки журналистов.

В 7.10 утра 29-го числа Йосида и Фудзита приехали на станцию Токио, где их встретил помощник капитана 3-го ранга Санемацу Йюзури, адъютант из морского министерства. Они проследовали в здание министерства, где Йонаи Мицумаса ожидал Йосиду.

У Йонаи баня уже готова, и, пока Йосида ее принимал, появился и заместитель министра Ямамото. Все трое побеседовали за завтраком. Не впервые Фудзита встречал Ямамото, с тех пор как служил дивизионным артиллеристом на «Акаги», пока Ямамото командовал кораблем.

Однако последующие три с половиной месяца он находился в близком контакте с Ямамото как ответственный за протокол и персонал.

На следующий день, когда Фудзита ехал в резиденцию заместителя министра, чтобы эскортировать Ямамото на церемонию вступления в должность, он узнал, что жена Ямамото, Рейко, в Каруидзаве, а Ямамото в путь провожала служанка. Переодетый агент полиции сопровождал их в машине до ворот Сакасита при въезде в Императорский дворец. Когда они вернулись после церемонии, этот человек ожидал их на том же месте и снова помог Ямамото сесть в машину. Но Ямамото сказал Фудзите, что он уже не заместитель министра и больше не нуждается в полицейской охране; Фудзита отослал агента. Все в то время знали в министерстве, что военная полиция не только выполняет охранные функции, но и шпионит за своими подопечными.

На следующий день, когда Ямамото отбывал на флот, приходилась двадцать первая годовщина его женитьбы, но жена была в отъезде. В то утро он уехал из дому один, отправился в морское министерство, а потом в компании с Фудзитой нанес несколько визитов вежливости на министерской машине и, наконец, поехал на Токийский железнодорожный вокзал.

Чуть ранее одного часа дня Ямамото – при ордене Священного сокровища 1-го класса на левой стороне груди, в белой форме, чуть позади начальника станции Токио – поднялся по лестнице для особо важных персон и прошел через толпу доброжелателей, пришедших проводить его. Тут и крупные правительственные чиновники, и офицеры армии – личные знакомые, и представители прессы, и женщины из квартала гейш Симбаси (это к ним он отправился, когда исчез допоздна в прошлую ночь).

Следуя за начальником станции, направлявшимся к вагону, удобному для обозрения пейзажей, он отвечал пришедшим попрощаться энергичным приветствием, которое стало вскоре столь знаменитым. Перед входом в специальный вагон расстелен красный ковер, но Ямамото явно не питал пристрастия к такого рода церемониям. Если попросить дать оценку его характера, большинство тех, кто знал его или служил при нем, ответили бы без колебаний: «Этот человек не терпел помпезности». А Йонаи Мицумаса определил просто: «Озорной дьявол».

Для Ямамото риск и азартные игры всегда важнее пищи или питья. «У каждого свои ошибки, – пишет Такаги Сокичи, – и адмирал Ямамото не был святым. Мало кто имел такую страсть к риску и азартным играм, как он... Шogi, го, маджонг, бильярд, карты, рулетка – все подходило. На вечеринках или чем-то подобном он, поскольку не мог пить, компенсировал это организацией „лошадиных скачек“ на бумаге и принуждал молодых офицеров сопровождения и женщин, обслуживающих чайную, делать ставки по 50 сен на исход игры».

Ямамото не мог принимать алкоголь, но вместе с другом Хори Тейкичи часто посещал два-три нравившихся ему дома гейш в районах Симбаси и Цукидзи. Считается, что главная цель этих визитов – игра в карты или маджонг с тамошними женщинами. Лишь немногие из ближайших друзей Ямамото знали, что несколькими годами раньше эти посещения переходили границы просто «развлечений». Осталось неясным, ведала ли о том его жена Рейко.

Как рассказывал один из очевидцев, побывавших на вокзале на проводах Ямамото, особенно мягкое выражение промелькнуло на лице адмирала, когда он увидел женщин из Симбаси; смущенная улыбка лучилась из глаз человека, у которого «в чертах лица мужественность» и «видна решительность характера». Как будто он говорил (его любимая присказка): «Может быть, я и Восемьдесят Сен, но, если надо, могу играть роль великого человека».

Как только он вместе с адъютантом поднялся на платформу спецвагона, вокзальный колокол пробил отправление. Ровно час дня: «Камоме» медленно отходит от станции, а взгляды всех в толпе прикованы к одинокой фигуре на платформе в конце поезда. В морской манере он снимает фуражку и машет медленными круговыми движениями. На перроне выделяются – бог знает как они тут очутились – трое фанатиков из секты «Ничирен»: колотили в свои бумажные барабаны, пока поезд не скрылся из виду.

В оставшиеся до налета на Пёрл-Харбор два года и три месяца он несколько раз приезжал в Токио по делам, но столица навсегда перестала быть его родным домом и рабочим местом. Ему 55 лет – столько же, сколько было его отцу Садайоси в 1884 году, когда он родился. Сидя на диване в своем вагоне, с видимым удовольствием наблюдал он пронесившиеся мимо яркие под поздним августовским солнцем здания Юракучо и Симбаси.

4

«Камоме» останавливался в Йокогаме, Нумазу и Сизуоке и добрался до Нагойи уже в сумерках. На первых перегонах какой-то человек в штатском, очевидно агент военной полиции, несколько раз появлялся в вагоне, но, вероятно, сошел с поезда в Йокогаме; теперь ему самому приходилось иметь дело с толпами народа, на каждой станции ожидавшими его, чтобы приветствовать. В больших количествах в вагон вносили подарки: сигареты – в Йокогаме, рыбу – в Одаваре, сосиски – в Нумазу. В каждом случае Ямамото вставал и благодарил руководителей, дружески беседовал со всеми вместе и с каждым в отдельности. Но как только поезд вновь набирал ход и он оставался наедине с адъютантом – не тратил усилий, чтобы рассеять или скрыть депрессию, которая читалась у него на лице. Что-то – будущее ли нации, проблемы семьи или какая-то женщина – занимало его мысли; может быть, все понемногу.

В тот же самый день некая женщина ехала в вагоне первого класса экспресса «Камоме», не привлекая ничего внимания. Фудзита между тем пишет: «Когда мы отъехали от Токийского вокзала, главнокомандующий выглядел ужасно рассеянным; мне казалось, он чувствует себя одиноким»; но Фудзита не делает на эту женщину никакой ссылки.

В Нагойе в вагон поднялись репортеры газет Осаки в надежде добиться хоть каких-то комментариев от Ямамото, который уже сменил форму на полотняный костюм. Ему задавали вопросы о недавно подписанном Пакте о ненападении между Германией и Советским Союзом – событие это привело к отставке кабинета Хиранумы и назначению нового морского министра и его заместителя – и интересовались, не счел ли он эти меры противоречащими японской этике.

– Мне нечего сказать по вопросам политики, – отвечал Ямамото. – В теории, – многозначительно добавил он, – этика в иностранных делах означает делать то, что считается правильным, обманывая при этом кого-то или нет. В человеческом смысле это прекрасная позиция, но в политическом иногда может быть и ошибочной.

На вопрос о развернутой тогда кампании «за новую жизнь», сторонники которой призывали мужчин брить головы, а женщин – отказаться от перманента из-за «серьезности ситуации», он отвечал:

– Какое все это имеет значение? Сам я сколько лет стригусь коротко – так мне удобнее. Но не вижу, какое отношение имеет к какой-то «новой жизни», если кто-то бреет голову или носит длинные волосы. Большинство офицеров в морском авиакорпусе носят длинные волосы с прибором. Стукнешься головой – не так больно, если есть волосы. С другой стороны, неряха и есть неряха, как коротко его ни стриги. Поэтому и так и так нормально. То же с перманентом. Уверен, женщины пользуются этим способом завивки, потому что так экономичнее. Делаете вы перманент или придерживаетесь традиционного японского стиля в причёске – ничего страшного, и нечего поднимать шум по этому поводу.

В этот момент к нему подошел официант сообщить, что обед готов, и, бросив короткое: «Прошу прощения», он направился вместе с Фудзитой в вагон-ресторан.

Поезд «Камоме» прибыл в Осаку в 9.20 вечера, и Ямамото, его спутница, а также адъютант провели ночь в отеле «Нью Осака». Объединенный флот стоял на якоре в заливе Вакамура. Из-за смены главнокомандующего учения отменили. В то время Объединенный флот по мощи был третьим в мире; гавани в Осаке и Кобе были слишком малы, чтобы вместить его, и

1-му и 2-му флотам приходилось дробиться на части, чтобы бросить якоря в этих портах. А залив Вакамура достаточно вместителен для всего Объединенного флота.

На следующее утро Ямамото простился со своим компаньоном на перроне станции Нанба и пересел на поезд частной дороги Нанкай, направлявшийся к Вакамуре. Там у пирса небольшой катер ждал главнокомандующего. Был прекрасный солнечный день. Ямамото исчез в маленькой каюте, и по команде дежурного офицера, младшего лейтенанта, чьи щеки покраснели от усердия, катер отошел от пирса.

Вдали стояли на якоре семьдесят или восемьдесят кораблей Объединенного флота, мирно покачиваясь на залитых солнцем волнах залива Вакамура. Флагману «Нагато» предстояло стать домом Ямамото и штабом флота до тех пор, пока после начала войны на Тихом океане не вступит в строй «Ямато».

Катер с новым главнокомандующим подходил к «Нагато» под взорами команды, которой выпало служить под его началом. Все стояли на внутренней стороне палубы, смотрели на него со сходней: капитаны и штабные офицеры флотов и дивизионов; на внешней стороне той же палубы – штабные офицеры Объединенного флота; под прямыми углами к этим двум линиям – капитан Фукудоме Сигеру вместе с другими офицерами «Нагато».

После того как Йосида Зенго ушел с «Нагато», чтобы стать морским министром, на борту много спорили по поводу того, кто придет на его место. В то время 2-м флотом командовал Тоеда Соэму, и, судя по прецедентам, ему и предстояло занять пост командующего Объединенным флотом. Когда вместо него назначили Ямамото Исороку, многих, видимо, удивил и даже поразил этот выбор.

Как только катер подошел к «Нагато», Ямамото ловко взобрался по сходням. Вот вымпел вице-адмирала, полоскавшийся над катером главнокомандующего, приспущен, а на мачте «Нагато» взвился вымпел главнокомандующего. В тот же момент оркестр на флагмане заиграл мелодию, обычно исполняемую в честь главнокомандующего. Ямамото поднялся на борт, ответно поприветствовал всех собравшихся и исчез в люке; затем прошел в кормовую часть корабля в каюту главкома, где собрался высший командный состав флотов для встречи с ним.

Церемония передачи оказалась сравнительно простой. Как только она кончилась, Ямамото почувствовал облегчение и, явно оживившись, стал вести непринужденную беседу. «Я не против стать главнокомандующим, – говорил он своему адъютанту. – Это популярность. А заместитель министра – должность для высокопоставленного мальчишки».

«Высокопоставленный мальчишка» или нет, но в период нахождения на этом посту и особенно последние несколько месяцев он оказался вовлеченным в ряд скандальных и неприятных эпизодов. В глазах общества он являлся основной причиной упрямой оппозиции моряков Трехстороннему пакту и, как таковой, стал объектом враждебных действий со стороны правых; его жизни просто угрожала опасность. Несомненно, он почувствовал облегчение, когда вновь очутился в море после шести лет жизни на берегу.

Примерно две недели спустя, 15 сентября, он пишет Сасакаве Рючи:

«С тех пор флот находится в канале Бунго, круглые сутки занятый учениями; при этом все контакты с берегом прекращены, за исключением доставки почты. К данному времени тренировочные занятия по программе этого года близятся к концу, и у меня такое ощущение, что флот почти достиг предела своих возможностей. Я истинно горжусь тем, что под моим началом такой великолепный флот, и в то же время все яснее осознаю, за какую работу взялся, – боюсь, что у меня не хватит сил.

Что касается событий во внешнем мире, знаю только то, что могу почерпнуть из радионовостей три раза в день и из газет, которые доставляются через день, – даже они кажутся дальними отголосками из иного мира. Сейчас я могу позабыть обо всем и целиком посвятить себя морским задачам, – чувствую живительный эффект от этого как духовно, так и физически».

Сасакава Рючи, президент националистической организации «Кокусуй домей», – единственный из лидеров правого толка, еще уважавший Ямамото. Он часто навещал его в морском министерстве, надев официальное, украшенное гребнем кимоно. Всегда обращался к адмиралу «сэнсэй» («хозяин») и даже давал советы, как себя вести при встрече с возможным убийцей.

Вечером 1 сентября – в день, когда Ямамото получил назначение на флот, – он слушал по радио новости о вторжении Германии в Польшу. 3 сентября, в 7.15 вечера по японскому времени, Англия объявила войну Германии. Спустя шесть часов Франция последовала за ней. 4 сентября он пишет Симате Сигетаро: «Огромные потрясения, происходящие сейчас в Европе, приводят меня в ужас, когда я начинаю думать о наших отношениях с Германией и Италией».

5 сентября Ямамото обратился к личному составу всего Объединенного флота. Его обращение начиналось словами: «Осознавая серьезную ответственность как главнокомандующий Объединенного флота, в соответствии с неожиданным приказом его императорского величества...» – и заканчивалось: «Ситуация в Европе имеет четкие признаки перерастания в еще один всемирный конфликт. Перед императорским флотом сегодня стоит задача серьезная, как никогда. Я надеюсь, что все, кто находится под моим командованием, будут еще больше заботиться о своем здоровье и денно и нощно тренироваться, с тем чтобы держать мощь флота на высоте; он призван выполнить свой долг по защите Отечества в соответствии с волей императора».

Это чисто формальное обращение; скорее всего, Ямамото не притрагивался к черновику, подготовленному его штабом; в Японии в те времена, если кто-либо в его положении собирался сделать какое-нибудь официальное заявление, важным считалось не то, что он сказал, а то, чего не сказал. Если внимательно прочесть обращение, создается впечатление, что тут излагается некая теория «невоюющего флота» – как она изложена еще одним строптивым адмиралом – Като Томосабуро.

5

Однако Объединенный флот не проявлял ни малейшего признака раскола из-за военных действий в Европе. 4 сентября недавно сформированное правительство Абе обнародовало заявление, в котором говорилось: «Япония не намеревается вмешиваться в войну, которая недавно вспыхнула в Европе, а собирается посвятить себя исключительно разрешению „китайского инцидента“...» Распорядок дня на флоте оставался неизменным, а у Ямамото – в резком контрасте с его периодом работы заместителя министра – вдруг оказалась масса времени.

Кроме тех дней, когда шли маневры, у главнокомандующего Объединенного флота в мирное время было сравнительно мало дел. Ямамото стал предлагать своим штабистам сыграть в шогги или укрывался в своей каюте и писал письма либо выдавал образцы каллиграфии, которые так часто у него выпрашивали почитатели. Выходцы из тех краев Японии, откуда он сам, имели репутацию любителей покушать, а морской воздух только подстегивал аппетит. Завтракал главнокомандующий в японском стиле или (тут надо делать заказ за ночь вперед) по-европейски, с кофе, кашей и т. д. Тем не менее существовал консенсус – «войну на овсянке не выиграешь», и большинство выбирали фасолевый суп и рис.

Обед представлен целиком европейской кухней – начинался с супа и завершался десертом. За столом пользовались как серебряными столовыми приборами, так и чашками, чтобы есть руками. Для услаждения слуха обедающего в течение получаса, с 12.05, играл оркестр на афтердеке – это заменяло ему ежедневные репетиции; но в репертуар редко включались такие военные мелодии, как хорошо известный «Марш линкора», – акцент делался на сентиментальные японские мелодии и популярную западную музыку. Говорят, сам Ямамото особенно

любил «Китайскую ночь». Остальная часть команды спешила покончить с едой и подняться на афтердек послушать музыку – один из основных видов отдыха команды, но, естественно, только когда корабль стоял на якоре.

В состав ужина, вновь в японском стиле, входили такие деликатесы, как морской карп, либо вяленый, либо жареный, пикантный яичный крем и сырая рыба дольками, а на камбуз, конечно, принимали поваров, известных своим искусством. Единственный недостаток – поскольку морские офицеры обязаны оплачивать свое содержание, молодые моряки, занимавшие подножие стола, считали подобную роскошь невозможной для своих кошельков.

За обедом и ужином в принципе полагалось присутствовать и главнокомандующему, и всем офицерам; прямоугольный стол для заседаний в каюте главкома был переоборудован в обеденный – на него набросили белую скатерть. На боевых кораблях типа «Нагато» для отделки кают в большом количестве используется тик, и каюты больше походят на салоны первого класса на каком-нибудь старомодном лайнере. Идея состояла в том, что в таких каютах в любом порту мира можно принимать любых гостей, не стесняясь интерьера.

Главнокомандующий обычно сидел в центре одной из сторон стола, напротив начальника штаба. Среди других – старшие и остальные штабные офицеры, адъютанты, шифровальщик флота, механик флота, флотский метеоролог, казначей флота, флотский медик, юрист флота и время от времени капитан «Нагато». Сам Ямамото говорил мало, но ни в коем случае не ограничивал других и часто улыбался. Ел он много. При его предшественнике адмирале Йосиде сушеная сардина редко появлялась на столе в кают-компани, но Ямамото был чрезмерно влюблен в юрум-аваси (вид сардин) из Тосы. Когда бы флот ни заходил в залив Сукумо, он посылал офицера снабжения закупать ее в больших количествах, а затем с наслаждением чавкал, съедая с головой и постоянно приглашая других присоединиться к нему.

Йосида, весьма суетливый, чересчур обидчивый, не унимался, пока все неисправности не устранены; не пил спиртного и, не имея возможности разрядиться, выискивал ошибки и всякие мелочи принимал слишком близко к сердцу. Без чувства меры пользовался красным карандашом на документах, которые готовил для него штаб, и иногда сам, лично занимался исправлением незначительных деталей в сигналах. Даже его штабные офицеры подвергались частым придирам. Короче, уже тогда у него, видимо, проявлялись признаки невроза, которым он оказался позже болен всерьез.

В холодное время года, когда флот заходил в гавань у Беппу, в Кюсю, все с вожделием ждали момента, когда можно поесть шар-рыбу и запить горячим sake. А Йосида с тревогой допытывался у главного медика, действительно ли это безопасно для здоровья, – и даже после этого редко удавалось убедить его отведать это лакомство. Расставание с «Нагато» он отметил раздачей всем офицерам своих фотографий, но при этом не везде их принимали с благодарностью.

Когда адъютант Фудзита встретился с Ямамото, последний представлялся и крайне жестким, и очень беспечным; самое первое впечатление – новый главнокомандующий существенно отличается от Йосиды и это великий человек.

После короткого времени флот вышел из залива Вакамура и возобновил прерванные маневры. Выйти из гавани – не такая уж простая задача, поскольку командование Объединенного флота, работающее в одиночку, должно было вывести из гавани, как пастух выводит стадо, примерно 80 кораблей всех размеров, сохраняя порядок, – только высококлассные штурманы могли служить в штабе флота. Заблаговременно надо подготовить двигатели и якорные механизмы судов. Наконец звучит приказ:

– Объявляется пятнадцатиминутная готовность до выхода из порта! Все по местам!

И тут же нос корабля и мостик оживают. Звучит рапорт:

– Первое судно, вторая эскадра, – поднимает якорь!

Трубит горнист: «Готовься к выходу в море!»

В голове колонны идет группа подводных лодок. Субмарины играют роль разведчика, отступая назад, когда флот входит в гавань, и возглавляя его при выходе. В это время главным образом находится на мостике, лично наблюдая за маневрами кораблей. Связные от навигационной группы громко сообщают о перемещениях отдельных судов и эскадр:

– Четвертая эскадра выходит из порта!

– «Такао», «Атаго», «Чокай», «Майя» выходят из гавани!

– Сейчас уходит «Исе»! «Хуига», «Фусо» выходят!

– «Акаги», «Улага», «Сориу», «Хирую», первая и вторая эскадра авианосцев покидают порт!

Говорит Комото Хиронака, в ту пору штабной офицер морской авиации и младший помощник: «Когда мы покидали гавань, мне хотелось стать главнокомандующим Объединенного флота». В самом деле, когда наблюдаешь, как такой огромный флот приходит в движение, и представляешь, что все это находится под твоим личным командованием, переживаешь особые чувства. В такие моменты можно простить, что человека распирает от самодовольства; но Ямамото такая тенденция была вовсе не свойственна. Младшие офицеры на борту «Нагато» делились впечатлениями.

– Новый главнокомандующий совсем не важничает, – говорил один.

– Он вовсе не суетится, – добавлял другой.

– Интересно, что бы он делал, если бы у нас началась война, а он стал бы героем-победителем?

Одно из редких проявлений его гордыни – отрывок из письма к Соримачи в Нагаоку, который приводится самим Соримачи: «Уверен, ты всегда будешь помнить, что клан Нагаока, средняя школа в Нагаоке и Нагаокаша (стипендиальный фонд, помогавший Ямамото учиться) произвели для Японской империи главнокомандующего Объединенного флота!» Конечно, это сильно отдаёт вульгарностью.

И все-таки Ямамото не вульгарная личность. Бесплезно искать в его словах и делах зрелые годы какой-либо намек на самовосхваление – зуд, который владеет теми, кто стремится пробиться в премьер-министры или генералы. Этот отрывок вообще-то полностью дисгармонирует с общеизвестным обликом Ямамото; начинаешь задумываться над тем, как Соримачи сам пользуется экстравагантной эмоциональной фразеологией в своем рассказе о том, как он услышал новость о назначении Ямамото главнокомандующим Объединенного флота: «Каждая капля крови в моих венах трепещет от радости – осуществились надежды, которые люди Нагаоки лелеяли семьдесят лет... Общество переменилось; Нагаока изменилась; Япония изменилась... Яркая луна, адмирал Ямамото – главнокомандующий! Нагаока вдруг осветилась. Вся Япония станет светлее!»

В свете этого представляется вполне возможным, что Ямамото произнес что-то похожее и с тем же основным смыслом, но с несколько иным оттенком:

«Итак, клан Нагаока наконец создал главнокомандующего Объединенного флота! Не забывайте этого!»

И все равно не очень для него характерно произносить такие вещи даже перед близким другом из родных краев. Возможно, этого никогда не понять (в записках Соримачи постоянно упоминается о Нагаоке), если не рассматривать Нагаоку под особым углом зрения. Здесь, в этой книге нет возможности особо вдаваться в историю этого места в деталях, но община Нагаоки среди тех, которые перешли на «неправильную» сторону в прошлом сёгунате – в Бошинской войне 1868–1869 годов, и по этой причине дала очень мало глав префектур, генералов или адмиралов. Морской флот, например, многие годы находился в руках членов клана Сацума, который держал сторону нового правительства. В конце концов в эпоху Сева (с 1926 года) этот перекокс был устранен; считается даже, власти сознательно избегали назначений когонибудь из префектуры Кагосима (бывшей Сацума) на пост начальника персонального бюро

из боязни проявить региональный фаворитизм. Ямамото, правда, долгожданный сын в семье обедневшего самурая из клана Нагаока; его отец и два старших брата участвовали в Бошинской войне; все трое ранены и долгое время дрейфовали вокруг северной оконечности Хонсю. Для выходца из Нагаоки тех стародавних времен она, Нагаока, чем-то особым не похожа на Чосю или Сацуму. Из тех, кто хорошо знал Ямамото, в Нагаоке остались лишь Соримачи Эйичи, дзен-буддист, по имени Хасимото Зенган, и ровесник Ямамото, по имени Тойяма. Во время последнего восстания, с Сацумой во главе, дед Тойямы объявил, уходя на бой: «Теперь мы отплатим за Бошинскую войну!»

Нет сведений, знал ли сам Ямамото о страданиях своего отца и братьев, которые они претерпели, впад в немилость из-за борьбы со сторонниками императора; но вне сомнения, что, как и Соримачи, Ямамото не мог скрывать свои эмоции, когда речь шла о его родных краях.

Глава 2

1

Объединенный флот, со своим новым главнокомандующим, выходил из залива Вакамура, оставляя на воде десятки бурунов. Так началась жизнь Ямамото – властелина огромного формирования кораблей и людей. Но покинем на некоторое время Объединенный флот и вернемся на пять лет назад. 7 сентября 1934 года – как раз за пять лет до того, как «Нагато» оставил залив Вакамура, – Ямамото, тогда контр-адмирал, прикрепленный к морскому генеральному штабу и морскому министерству, назначен главой делегации, представлявшей морской флот на предварительных переговорах на второй Лондонской морской конференции. Это стало началом неожиданного восхождения Ямамото к признанию в военно-морских кругах. Примерно в то же время его имя стало известно не только в Японии, но и в правительствах и флотах Америки, Англии и Германии.

Как пишет Соримачи, возможно, впервые его имя упомянули публично в статье, отразившей пересуды о нем и напечатанной (1927-й или 1928 год) в журнале «Бангей санью», но эту статью невозможно отыскать. (В действительности романист Тайяма Катаи упоминал Ямамото письменно на целых двадцать лет раньше. В «Настоящих рассказах о Русско-японской войне» есть ссылка на «Такано (фамилия Ямамото до усыновления. – Х. А.) Исороку, кадета морского корпуса, который получил почетное ранение в великом морском сражении 27 мая, а в данный момент выздоравливает в Морском госпитале в Йокосуке...». Но вряд ли уместно упоминать это здесь.) Кроме этого, самая ранняя ссылка, которую я обнаружил, – краткая заметка в разделе «Профиль на одной странице», появившаяся также в «Бангей санью» в октябре 1934 года. Автор, чье имя не приводится, пишет:

«Когда было решено послать контр-адмирала Ямамото руководителем делегации, представлявшей флот на предварительных переговорах на Лондонской морской конференции, все его знавшие возлагали на него большие надежды, считая именно тем человеком, который нужен для данной работы. Великолепный рулевой для посла Мацудайры, он, будучи целеустремленным практиком, воистину способен, если обстоятельства того потребуют, отодвинуть посла и взять дело в свои руки.

На Лондонской конференции по военно-морскому разоружению в 1930 году, то есть четыре года назад, он приобрел опыт совместной работы с вице-адмиралом Сакондзи Сейдзо. Познал и горечь неудачи, олицетворявшей Лондонский морской договор, который вызвал шок в морских кругах и такие необычайные по размаху протесты. Поэтому он тщательно знакомится не только с тем, что происходило в то время, но и с личностью и методами работы посла Мацудайры. Кроме того, он недавно оставил пост командующего первой эскадрой авианосцев и стал членом Комитета по изучению мер по разоружению; теперь он ведущий эксперт по вопросам разоружения – изучает их специально.

Императорское правительство подходит к вопросу о разоружении с четко определенной позиции: не уступит ни одного дюйма – даже если в качестве последнего шанса придется выйти из Вашингтонского морского договора – и обеспечит равные права на вооружение в том, что касается суммарного водоизмещения флота. Главная роль контр-адмирала Ямамото – возможно, убедить заинтересованные нации, что следует соблюдать основной дух достигнутых соглашений. Благодаря опыту, приобретенному за время работы военно-морским атташе посольства Японии в Америке, он стал осторожен в высказываниях и сохранял здравый ум.

Как и следует ожидать от человека, побывавшего на войне (Русско-японской) и соприкасавшегося со смертью, его трудно испугать. Его резкое нежелание прибегать к лести оскорбляет многих; но он из тех, кто неуклонно исправляется со временем».

Этот характерный набросок дает представление о том, что Ямамото отправился в Лондон полным огня, настроенным не уступить ни пяди, но на самом деле это не так. Истина состоит в том, что он много раз пытался избежать поездки в Лондон. Принято считать так: когда окончательно решили – он едет, он счел своим долгом посвятить всю энергию этой конференции с «энтузиазмом и твердостью» человека, как он сам выразился, «несущего ответственность за будущее нации». И все-таки «энтузиазм и твердость» были другого вида, нежели предназначенные для рядового читателя «Профиля на одной странице» в «Бангей санью». Только что цитировавшиеся фразы взяты из письма той самой женщины, которая тайком села в привилегированный экспресс «Камоме» в одно время с Ямамото.

Позднее мы еще вернемся к этому письму; здесь дело вот в чем: гордость, что Япония всего за 70 лет стала третьей по мощи военно-морской державой мира, постепенно привела некоторых моряков к тенденции – хотя и не так заметной в армии – преуменьшать силу англо-американцев. Ямамото не мог при этом оставаться спокойным. С 1919 года, когда стал капитаном 3-го ранга, он дважды побывал в Америке и дважды же посещал Европу с официальными визитами. Особенно хорошо представлял он истинную мощь Америки и ее национальный характер; более того, любил эту страну. Во время службы морским атташе в Вашингтоне он писал своему бывшему учителю – на открытке с изображением вишневых деревьев на берегу Потомака: «Вишня Йосино здесь в полном цвету; почти так же красива, как у нас дома, и будто утверждает сардонически, что „японский дух“ не монополия нашей страны. В центре – памятник Вашингтону».

Примерно в то же время капитан 3-го ранга Мива Йоситаке, младший помощник Ямамото, сообщил ему, что для совершенствования своего английского намерен заняться чтением биографии какого-нибудь знаменитого американца, и осведомился, чью биографию ему порекомендовали бы.

– Конечно, Линкольна, – ответил Ямамото. – Я люблю Линкольна. Думаю, он велик не только как американец, но и просто как человек. Если хочешь прочесть биографию, почему бы не эту – есть хорошая книга, написанная Карлом Сандбергом.

И вот третий визит в Европу и второй в Лондон – делегатом на переговоры по разоружению. Конечно, он знал о расхождении между своими идеями и преобладающей атмосферой на флоте и долго колебался, принять ли поручение, чувствуя, что не подходит для того, чтобы отстаивать требования Японии перед морскими державами до самого конца.

Но получилось, однако, так, что не нашли другого подходящего кандидата. В пользу ему зачли дружеские отношения с послом Мацудайрой, а также прочную репутацию, которой он пользовался в соответствующих странах после Лондонской конференции 1930 года. Так Ямамото принял свое назначение главой делегации.

2

25 сентября, в 15.00, то есть через две недели после назначения, Ямамото на борту пакетбота «Хи-мару» направлялся из Йокогамы в Северную Америку. Днем раньше в официальной резиденции морского министерства для него устроили прощальный вечер. В то время морским министром был адмирал Осуми Минео, вместе с ним присутствовали Номура Кичисабуро и другие ветераны. В речи, с которой Ямамото обратился к собравшимся, содержался следующий пассаж:

– На первую Лондонскую конференцию по морскому разоружению я сопровождал адмирала Такарабе и вицеадмирала Сакондзи. В тот раз присылалось столько инструкций, что поч-

товые расходы на связь между Токио и Лондоном составили чуть ли не миллион иен. На этот раз я беру мои инструкции с собой и, пока буду там, не собираюсь запрашивать дальнейших инструкций. Надеюсь, вы меня понимаете. По возвращении я подготовлю детальный отчет, на основе которого вам предстоит судить о моей работе.

Тогда Ямамото был контр-адмиралом – ранг огромного веса на флоте или в авиакорпусе, но для высших морских кругов в Токио недостаточно высокий. Так что это заявление требовало большого мужества. Правда, можно еще добавить: сумма в один миллион иен представляется сомнительной. В то время отправить телеграмму из Лондона в Токио стоило одну иену тридцать восемь сен за слово, а срочную телеграмму – в два раза дороже.

Сопровождали Ямамото три человека: Эномото Сигехару, друг Ямамото и секретарь морского министерства; капитан 3-го ранга Мицунобу Мотохиро, исполнявший обязанности адъютанта, и Мизота Сюичи, работавший при морском министерстве. Помимо них, раньше отплыл из Йокогамы младший офицер Йококава Акира; 16 сентября на «Хакозаки-мару» он отбыл в Лондон через Суэц, имея при себе их багаж, пишущие машинки, шифровальные машины и т. д. Из этой четверки трое живут и здравствуют; Мицунобу убит на войне.

Мизота, известный как Джордж Мизота, уехал в Америку вместе с родителями в девятилетнем возрасте и провел там около двадцати лет, окончив юридический факультет Стэнфордского университета. Способного переводчика высоко ценили. В декабре 1941 года, когда начались военные действия, его фактически уволили из флота в отставку. Вероятно, власти считали нецелесообразным держать во флоте человека, который заявлял, что в любой войне против США Япония будет неизбежно разбита. (Подход диаметрально противоположный американскому: американцы, как только вспыхнула война, стали мобилизовывать всех, кто хоть что-то знал о Японии, и открыли курсы по изучению японского языка.)

Тем не менее что кто-то в верхах морского министерства, кажется, предвидел, что этот человек когданибудь понадобится: в течение четырех военных лет ему ежемесячно без каких-либо объяснений присылали зарплату. Вполне возможно, ему отводилась важная роль в операциях флота, нацеленных на победоносное завершение войны.

Как-то Ямамото сказал Эномото:

– Конечно, ты мне нужен как партнер в шоги, но вдвоем с Мизотой мы бы отлично справились на будущей конференции.

Йококаву, выпускника Торпедной школы, не особенно сильного в английском или шифровании, выбрали для сопровождения Ямамото, потому что ему посчастливилось работать в офисе, связанном с первым отделом бюро по морским делам, которое занималось вопросами разоружения. На флоте такой обычай: когда где-то намечается международная конференция, выбирать хорошо себя зарекомендовавших младших офицеров по очереди от каждой военно-морской базы и посылать их за границу в качестве «церковных помощников министра иностранных дел». И даже при этом выбор Йококавы для поездки в Лондон поразил многих; газеты сообщали о таких назначениях на видном месте, помещали фотографии под заголовками «Младший офицер, выбранный для сопровождения делегации по разоружению» или «Младший офицер Йококава готовится к появлению перед широкой публикой: отдыхает дома, в непривычной гражданской одежде». Действительная причина ношения этой одежды – на борту парохода, в белой форме младшего офицера без каких-либо знаков отличия, все принимали бы его за стюарда.

После прощального вечера в честь Ямамото все четверо (исключая Йококаву) отплывали, и им пришлось избавляться от толпы нежеланных провожающих: то ли пытаюсь оказать давление на Ямамото, то ли ошибочно считая, что ему это приятно, они нахлынули на Токийский вокзал и в порт Йокогама. Одному даже удалось пробиться к каюте – он поднял Ямамото на ноги, развернул лист и стал читать торжественным тоном. Говорят, Ямамото слушал с весьма кислым выражением лица. В письме, адресованном Хори Тейкичи и написанном на борту «Хи-

мару» за день до прибытия в Сиэтл, он дал волю чувствам: «Завтра мы причалим к берегу Америки. Множество благодарностей за телеграмму, что мы получили от вас при отплытии... Мне очень было не по душе столкнуться с такой массой народу на Токийском вокзале и в Йокогаме – суетились со своими „резолуциями“ и „декларациями“ от всяких лиг и ассоциаций. Это производит гнетущее впечатление: приводит в смятение мысль, что подобные лица выдают себя за патриотов...»

В Сиэтле Ямамото послал Мицунобу купить игральные карты и столики для покера. Как только устроились в купе Великого северного трансконтинентального экспресса, вовсю началась игра. Мизота умел играть, а Мицунобу и Эномото не умели. Ямамото объяснил им, дал попрактиковаться в одной игре, а потом стали играть на деньги. С того момента и до самого прибытия в Чикаго они провели столько времени за покером, бриджем и шогги, что проводник уже поглядывал на них с презрением. В бридж Ямамото играл быстро и мгновенно ощущал реакцию оппонентов. Те, кому случалось играть с ним, говорили, что, стоило сопернику заколебаться хоть на мгновение – и он уже знал, что у него на руках.

Остановились на три дня в Чикаго. Приехали в субботу, и Ямамото отправился в Эванстон, в северной части города, на футбольный матч между командами университетов Айовы и Северо-Запада, – он любил еще и футбол.

В поезде «Нью-Йорк сентрэл» по пути из Чикаго в Нью-Йорк эта четверка опять убивала время за картами, упустив возможность взглянуть на Ниагарский водопад, когда проезжали Буффало. В Нью-Йорке устроились в отеле «Астория». Пребыванием их здесь – от бронирования мест в отеле до билетов на британский лайнер «Беренгария» – занимался капитан Сакураи Тадатаке, морской наблюдатель в Нью-Йорке. Выпускник Инженерного колледжа, он вместе с Ямамото участвовал в Лондонской конференции по морскому разоружению как член делегации. Послан в Нью-Йорк по рекомендации Ямамото, с задачей изучить состояние авиации США. Еще приехал в Нью-Йорк для обсуждения вопросов с главой делегации Ямагучи Тамон (впоследствии погиб на борту «Хирую» в сражении за Мидуэй), морской атташе в Вашингтоне; он попрощался с уезжавшим в Европу Ямамото на пристани Гудзона 10 октября.

За день до того, как «Беренгария» пришвартовалась в Саутгемптоне, Ямамото устроил на борту «прощальный банкет». Меню, датированное 15 октября 1934 года, озаглавлено «Обед на прощание» и сообщает, что «контр-адмирал Ямамото и гости» отведали «устрицы суимоно, креветки темпура, сукияки, ситасимоно и свежие фрукты». Ужин, который Ямамото устроил для нескольких коллег из числа пассажиров, включая бывшего чехословацкого священнослужителя в Японии, оказавшегося на борту парохода, происходил в отдельной каюте – столовой. Гостям на борту трансатлантического лайнера преподнесли еще несколько образчиков японской кухни. На десерт подали мороженое из зеленого чая, изготовленного из порошкового чая – подарок японцев американского происхождения, живущих в Чикаго. Когда пригласили французского шеф-повара и спросили, как ему удастся готовить такие типично японские блюда, как суп суимоно (суп-пюре) и креветки темпура, он ответил, что неделю проходил учебу в Японском клубе в Нью-Йорке, и, чтобы продемонстрировать свои способности, к всеобщему восторгу, тут же принес другие блюда – от жареных угрей до маринованных баклажанов.

На следующий день, 16 октября, в 16.00, – то есть на двадцать седьмой день пути из Токио – судно пришло в Саутгемптон; наша группа из четырех человек, прибыв в тот же вечер поездом (его расписание связано с пароходами) в Лондон, сняла жилье в «Гровенор-Хаус». Этот отель, один из четырех в Лондоне, считавшихся приличными для проживания иностранных послов и министров, регулярно использовался японскими делегациями, неизменно занимавшими комнаты на шестом этаже.

На следующее утро, позвонив в колокольчик, Мизота удивился, увидев того же самого официанта, что и в прошлый раз. Тот вошел с приветствием:

– Доброе утро, мистер Мизота, очень рад вас видеть, сэр!

К еще большему удивлению, его спросили:

– То же самое на завтрак, сэръ?

Когда он с недоверием согласился, ему принесли половинку грейпфрута, черный хлеб и некрепкий кофе по-американски с холодным молоком – действительно его любимый завтрак, то же, что он ел прежде. Конечно, в Англии отели типа «Гровенор-Хаус» гордятся тем, что предоставляют такой сервис, однако, в общем, отношение и правительства, и общества к Ямамото и его компаньонам было далеко не дружеским. Но как положено, флаг Восходящего Солнца колыхался над портиком «Гровенор-Хаус».

3

В тот же день Ямамото провел совещание с послом Мацудайрой, а потом они вместе нанесли визит вежливости британскому секретарю по иностранным делам и первому лорду Адмиралтейства. На следующий день, 18 октября, он посетил начальника штаба флота лорда Чатфилда. Все это, разумеется, формальные визиты.

Настоящая работа началась для Ямамото лишь через пять дней, 23 октября, когда он впервые встретился с британскими представителями на Даунинг-стрит, 10; затем последовали такие же встречи с представителями США в Клэридж, где остановились американцы. В принципе намечалось, что конференция будет проходить именно в такой форме – двусторонних встреч между Японией, Британией и Америкой, а также между США и Британией.

Однако в некоторых книгах ошибочно утверждается, что предварительные переговоры 1934 года не продвигались до тех пор, пока в Лондон не приехал Ямамото с делегацией. На самом деле состоялся предварительный, до этих переговоров, раунд – в мае того же года, когда секретарь Британии по иностранным делам Саймон пригласил Японию, Америку, Францию и Италию присоединиться к переговорному процессу. Япония быстро обозначила свое согласие, и ее представители участвовали в переговорах с июня по июль. Главный представитель Японии – посол Мацудайра Цунео, а при нем в качестве технического советника – военно-морской атташе посольства Ока Арата вместе с капитаном, с большой поспешностью присланным из Японии.

Но к середине июля, когда стало ясно, что существуют большие разногласия между Британией и Америкой, переговоры были приостановлены по договоренности между тремя сторонами. Таким образом, когда Ямамото приехал в Лондон с новыми японскими предложениями, в работе конференции фактически наступил перерыв и встречи 23 октября являли собой второй раунд предварительных переговоров.

Относительно столь важных вопросов, как позиция Японии на этой конференции и направление, в каком прилагал свои усилия Ямамото, легкое объяснение вряд ли существует – ситуация сложная. Конечно, с развалом японского морского флота, происшедшим 11 лет спустя, вопросы о соотношении флотов и т. п. стали совершенно неуместными, а потому вряд ли стоит углубляться в хлопотные детали переговоров по разоружению.

Однако чтобы понять ход мыслей Ямамото, его последующие действия и изменения в его психологии, нельзя обойти ни мучительный ход этих переговоров, ни то, что последовало за ними. Так или иначе, они неумовимо связаны и с Пёрл-Харбором и с Мидуэем.

4

Вся проблема военно-морского разоружения датируется, конечно, еще Вашингтонской конференцией 1921–1922 годов. Как хорошо известно, на этой конференции соотношение флотов Британии, США и Японии зафиксировано соответственно как 5:5:3. Сейчас известно (об этом написал Герберт Ярдли в книге «Черная камера»), что в то время все закодирован-

ные японские телеграммы расшифровывались американцами. Японский военно-морской флот никоим образом не един в том, что касается принятия этих пропорций; вопрос этот вызывает глубокий раскол в морских кругах, и в конечном итоге возникают фракции так называемых «договорников» и «флотских».

Исчерпывающий анализ этой проблемы дан Цунода Дзунем в книге «История трех поколений японского военно-морского флота». Этот труд и другие материалы по данному предмету вместе с воспоминаниями оставшихся в живых непосредственных свидетелей – из тех, кто приложил руку к событиям, – доказывают прежде всего, что (Америке это известно с самого начала благодаря дешифрированию японских телеграмм) Като Томосабуро, министр военно-морского флота, который участвовал в Вашингтонской конференции как полноправный представитель Японии, готов с самого старта принять предлагавшуюся для Японии квоту – 60 процентов.

Тогда японский план строительства флота «8 на 8» (фокусировавшийся на 8 линкорах не старше 8 лет и 8 линейных крейсерах) – при том, что Америка рассматривалась как гипотетический враг, – неуклонно превращался в реальность, и центральная фигура его – Като собственной персоной. Однако к 1921 году из-за этого плана расходы на военно-морской флот достигли трети национального бюджета. Это означало, что общие расходы на вооружение составили 60 процентов от бюджета, и милитаристское бремя на экономику страны достигло предела.

Като пришлось отказаться от строительства флота, за которое он столь рьяно ратовал. В Вашингтон он прибыл, сделав такой вывод, и незамедлительно сообщил послу Сидехаре, что концепция флота «8 на 8» нереализуема и он ищет приемлемое оправдание для отказа от нее. Как он заявил, состоялось детальное обсуждение этой проблемы с премьер-министром Харой Кеи.

Флот «8 на 8» был призван довести морскую мощь Японии до 70 процентов по отношению к американской, а это означало бы: Япония не превосходит США, но имеет минимум (именно это постоянно провозглашалось), необходимый для борьбы с атакующим американским флотом в западной части Тихого океана.

Отказаться от концепции «8 на 8» и принять план разоружения, по которому за Японией остается лишь 60 процентов от размеров флотов США и Британии, – значит отречься от главного постулата: Америка – потенциальный враг. К моменту, когда Като отправился на конференцию, он, похоже, принял на этот счет четкое решение. В послании в морское министерство, устно объявленном им в Вашингтоне, после того как достигли соглашения по большинству важных нерешенных проблем, он выдвинул концепцию, которая отвергает неизбежность войны между Японией и США и выдвигает постулат «невоюющего флота»:

«Оборона не монополия военных, но и война не прерогатива милитаристов. Равно как и нелегко достичь этих целей, не мобилизовав для этого весь народ. Вообще говоря, невозможно вести войну без денег. Даже допуская, что Япония по мощи вооружения соперничает с Америкой, у нее не получится, как в Русско-японской войне, воевать с минимумом затрат. Так где же взять деньги? А ответ таков: никакая другая страна, кроме Америки, не предоставит Японии иностранный кредит, – тем более не следует этого ожидать, если Америка станет противником. Отсюда вывод: противостояние между Японией и Америкой немыслимо; любой ценой Япония должна избежать войны с Америкой. Принимая это во внимание, считаю, что в настоящий момент истинная цель национальной обороны – поддержание военной мощи, соразмерной с ресурсами страны; наращивать эти силы следует дипломатическими средствами, избегая войны».

Говоря об организации императорского флота после заключения договора о разоружении, Като обосновывает прогрессивную точку зрения, предлагая идею гражданского контроля: «Рано или поздно министром военно-морского флота станет гражданское лицо, и надо к этому быть готовым. Предвижу что-то похожее на английскую систему». Как подчеркивает Цунода,

глубокая мудрость этой идеи свидетельствует: Като – государственный деятель, а не просто политик.

Это заявление для передачи в морское министерство записал Хори Тейкичи, первое лицо в окружении Като в Вашингтоне. В число моряков, принадлежавших к той же школе, что и Като, входили сам Хори, Ямамото, такие их командиры, как Танигучи Наоми, Сакондзи Сейзо, Яманаси Кацуносин и Йонаи Мицумаса, и младшие по рангу Кога Минеичи и Инуэ Сигейоси.

Хори Тейкичи утверждает, что Вашингтонская конференция спасла Японию как в международном, так и в экономическом смысле. Подобным образом Кога Минеичи считает неверным удерживать Японию на уровне шести десятых мощи Британии и Америки и подчеркивает: правильнее обсудить вариант, чтобы Британия и США добровольно ограничились шестью десятыми японских сил.

Тем не менее подобные взгляды, естественно, рассматривались в некоторых кругах как проявление раздражающей слабости и рабской покорности желаниям Британии и США. Один человек, адмирал Като Кандзи, – он участвовал в конференции как морской советник и постоянно настаивал на разрешении Японии иметь семь десятых американской мощи – особенно громогласен в своих жалобах по возвращении домой. Эти жалобы находили внимательных слушателей не только среди молодых офицеров флота, но и среди большей части общества.

На вопрос, почему такие протесты, при всей их бравате нереалистичные, находили столь благоприятный отклик в определенных кругах, Цунода в «Истории трех поколений японского военно-политического флота» пишет: «Можно ли, в самом деле, ожидать, что большая часть нации – ведь она денно и ночью трубила (или ей трубили), что наш будущий враг – Америка и, чтобы с ней справиться, нужен флот „8 на 8“, – согласится теперь с совершенно другой точкой зрения?»

К тому же существовали и другие аспекты проблемы, еще сильнее влиявшие на общественное мнение. Линкор «Тоса» водоизмещением 39 тысяч тонн – один из самых мощных линкоров того времени – по Вашингтонскому морскому договору подлежал списанию на металлолом; в 1925 году, после проведения на нем различных экспериментов, затоплен под 350 саженьями воды в южной части акватории залива Сукумо. Некоторым это казалось нестерпимым – огромный корабль, построенный потом и кровью японского народа, отправлен на дно под давлением (как они считали) Англии и Америки и из-за трусости лидеров.

Вскоре после этого Като Кандзи стал заместителем начальника морского генерального штаба, а Суецугу Нобумаса – в его подчинении. Като Томосабуро скончался летом 1923 года. С уходом последнего сдерживающего элемента в министерстве конфликты между «флотскими», во главе с Като и Суецугу, проповедовавшими агрессию в отношении США, и фракцией «договорников», придерживавшихся взглядов Като Томосабуро, стали еще более острыми и первые постепенно вытеснили вторых. Короче, в этот период уже существовали кое-какие факторы, которые в конце концов привели бы Японию к войне с США (Ямамото предсказывал, что война эта будет неизбежно проиграна). Неудивительно, что через 8 лет, в 1930 году, когда после Вашингтонской состоялась Лондонская конференция по морскому разоружению (Япония оказалась ограниченной до шести десятых мощи Британии и США, причем сюда входили и вспомогательные, и основные боевые суда), общественное мнение взорвалось от возмущения, – все больше людей и на флоте, и вне его воспринимали эти ограничения как оскорбление статусу Японии в качестве ведущей державы и угрозы ее обороне.

Но даже в этой ситуации ошибочно считать, что воинственные элементы в японском флоте стояли за немедленное начало военных действий против Америки. И среди самых агрессивных мало кто, по крайней мере до 1935 года, оказывался настолько дерзок и несведущ, чтобы верить, что Япония на самом деле способна одержать верх в войне против США. Например, адмирал Суецугу Нобумаса, ставший главнокомандующим Объединенного флота в ноябре 1935 года, всегда пользовался популярностью среди молодых офицеров, провозглашая

антиамериканские и антибританские взгляды; однако и он вряд ли, спроси у него император, уверенно пообещал бы поставить Америку на колени в случае войны.

Хори Тейкичи, глава бюро по морским делам во время Лондонской конференции 1930 года, не любил слушать разглагольствования министерских чиновников, охваченных массовыми настроениями, о «непобедимом флоте» Японии. «Вспомните, как англичане разгромили хваленую испанскую Непобедимую армаду, – говаривал он. – Один Бог знает, что произойдет с флотом, если сами моряки станут верить шумихе, раздутой в обществе». И действительно, в то время ни один профессиональный моряк на ответственном посту старался не пользоваться бездумно словом «непобедимый».

Каждый из них по своему рассуждению признавал, что японский флот преимущественно оборонительный; на тогдашних конференциях, участвовал ли в них морской генеральный штаб, морское министерство или флот, споры шли главным образом вокруг цифр и по вопросу, останется ли у Японии 60 или 70 процентов военной мощи двух ведущих держав.

Такая же точка зрения, видимо, превалировала внутри обеих фракций. Более «ястребиные» элементы среди моряков имели, однако, свои собственные, не обязательно эмоциональные точки зрения и теории, и с ними следовало по крайней мере ознакомиться.

В их в одении морские силы в военное время должны расти в квадрате по сравнению с мирным временем. Таким образом, отношение 10:6 мирного периода изменится на 100:36, если принимать во внимание эффект передвижения флота. Это не позволит Японии атаковать Америку и победить, но, если вдруг американский флот выдвинется к японским берегам, Японии, чтобы избежать поражения, понадобится кораблей в пропорции, как минимум, 100:49, то есть доля кораблей, эквивалентная 70 процентам американского флота. Иначе флот не выполнит лежащих на нем обязанностей по защите страны. Потому среди этой группы было распространено убеждение: хватит уже конференций по разоружению, не следует привязывать себя на будущее к договорам и т. п.

Эти люди крайне критически оценивали Ямамото как до войны, так и в ходе ее и остались при своем мнении даже после окончания боевых действий. Хотя общепризнано, что его все любили и почитали, дело обстояло не совсем так. У него было немало врагов внутри флота, да и сегодня не так уж мало. Уверение, что Ямамото был чем-то вроде идола, обожаемого всеми моряками – его современниками, без каких-либо отклонений, – не более чем приятная выдумка.

5

Здесь возникает вопрос: а что сам Ямамото думал о договорах?

В течение 13 лет между Вашингтонской конференцией 1921–1922 годов и началом неограниченной гонки в строительстве кораблей Япония принимала участие в общей сложности в пяти международных конференциях по разоружению. За Вашингтоном последовали трехсторонняя конференция по морскому разоружению в Женеве (1927); Лондонская конференция по морскому разоружению (1930); конференция по разоружению в Женеве под эгидой Лиги Наций (1932–1933); предварительные переговоры 1934 года, о которых идет речь сейчас, и главная Лондонская морская конференция (1935). Ямамото имел прямое отношение только к двум – конференции 1930 года и предварительным переговорам 1934 года, – но со времени поездки в Лондон (1930) занимался исчерпывающим изучением вопроса разоружения.

Кроме того, он дважды посещал Штаты, и возможность увидеть своими глазами автомобильную индустрию Детройта и нефтяные месторождения Техаса убедила его (как он часто говорил), что участие Японии в неограниченной гонке вооружений с Соединенными Штатами неизбежно приведет ее к перенапряжению ресурсов.

Как видели Ямамото, Хори и Сигейоси, интенсивные споры в морской среде по вопросу о каких-то 10 процентах мало что значили; в самом деле, не верить же, что 70 процентов, которые требовали «ястребы», каким-то образом позволят Японии чувствовать себя в безопасности по отношению к американской угрозе.

Их отношение к уравнению «рост в квадрате» таково: если Япония и США вдруг начнут военные действия друг против друга и бросят всю имеющуюся военную мощь, флот 100-процентный окажется в состоянии сконцентрировать свои атаки на флоте 70-процентном, а атака этого последнего будет рассеяна среди превосходящей массы противника. Помимо этого, если принять во внимание способность соперника строить корабли после начала боевых действий и его промышленный потенциал в целом, то станет ясно, что 70 процентов постепенно упадут до 60, затем 50, 40, пока со временем не исчезнут полностью. То есть даже с флотом 70-процентным Японии следует придерживаться политики уклонения от конфликтов с Соединенными Штатами. Конечно, для Японии нежелательно заключать неблагоприятный для нее договор; но еще более нежелательно оказаться вообще без какого-либо договора. Международные переговоры всегда предполагают компромисс, и надо найти по возможности наиболее приемлемый для Японии компромисс, так, чтобы договор об ограничении вооружений мог существовать. По-видимому, таков основной подход Ямамото к этой проблеме.

6

Срок действия Вашингтонского морского договора заканчивался в 1936 году. Если бы любая из сторон за два года до этого срока известила о своем выходе из договора, он автоматически прекратил бы свое действие в том же 1936 году.

Подобным образом Лондонский морской договор, заключенный только на пять лет, истек в 1935 году. В этом случае, однако, действовало соглашение, что для обсуждения будущего проблемы разоружения стороны созовут конференцию за год до окончания этого срока. И вот Англия предложила провести предварительные переговоры в Лондоне в 1934 году, с тем чтобы позволить пяти участникам – Японии, Англии, Америке, Франции и Италии – подготовить почву для нового соглашения по ограничению морских вооружений. Хотя формально участвовали пять стран, Франция и Италия как морские державы были на совершенно ином уровне, чем остальные три страны, а потому их голоса не имели большого веса.

В то время в Японии преобладало настроение, что нельзя придерживаться требований Вашингтонского и Лондонского договоров в их виде, и правительство Японии негласно склонялось к тому, что надо способствовать истечению Вашингтонского договора. Но видимо, оно не понимало, что Япония может остаться вообще без какого-либо договора. В этой связи интересно ознакомиться с тем, что говорят такие правительственные документы, как «Инструкции для имперского делегата» и «Политика имперского правительства в отношении предварительных переговоров по морскому разоружению». Там можно, например, найти такой пассаж: «Поскольку продолжающееся существование договора об ограничениях морских вооружений, подписанного в 1922 году в Вашингтоне, противоречило бы интересам национальной обороны и учитывая основную политику страны в отношении этих ограничений, в последний день этого года следует объявить о намерении Японии выйти из этого договора».

С другой стороны, следующий отрывок гласит: «Япония тем не менее придерживается позиции, что выход из договора не означает нашего нежелания достигнуть какого-либо соглашения об ограничении морских вооружений».

И опять: «Стремясь содействовать тому, чтобы предварительные переговоры проходили в дружественной обстановке и были эффективными, Япония в данный момент воздерживается от объявления о выходе из договора; для успокоения общественного мнения очень благоприятно, чтобы соответствующие нации вначале согласились направлять извещения о выходе

из договора за год, а потом сотрудничать в подготовке нового договора. Желательность такой процедуры следует объяснить при случае делегатам соответствующих стран, и надо приложить усилия, чтобы влиять на процесс именно в этом направлении».

Иными словами, правительство хотело бы избавиться от Вашингтонского морского договора и условий 5:5:3 и в то же время не навлечь на Японию проклятий международного сообщества за то, что первым озвучило эту идею. Лучшая возможность – это если бы все стороны, подписавшие договор, совместно известили о выходе из него, а потом объединились в создании нового, несколько более благоприятного для Японии, который не привел бы к нежелательной эмоциональной реакции.

Несмотря на весьма заносчивый тон, содержание документов само по себе не отличается особым экстремизмом. Инструкции учитывают мнение как дома, так и за рубежом, и иногда они выглядят почти скромными. Например, говорится об «избегании ненужного раздражения общественного мнения в заинтересованных странах» и «подготовке предпосылок для нового договора, достаточных для обеспечения безопасности нации и в то же время снижения, насколько возможно, бремени на обществе». Тогда какой конкретно новый договор о разоружении надеялась получить Япония после разрыва Вашингтонского морского договора? Она хотела ввести в практику принцип «неугрозы» и «ненападения»; форма его – определение Японией, Англией и США, возможно также с Францией и Италией, общего порога, который их морские флоты не превышают и который соблюдается всеми в равной степени. Упомянутый предел максимально низок, наступательное оружие запрещено, а каждая страна сконцентрирует усилия на совершенствовании оборонительного оружия.

По этой причине японское правительство поручило Ямамото заняться демонтажом всех авианосцев. Согласилось в качестве предмета сделки на переговорах предложить даже демонтаж всех тяжелых кораблей. Это весьма решительные меры, и какое-то время Ямамото не был убежден, что Британия и Америка примут предложения в таком виде. Более того, сам он верил, что однажды авиация станет доминировать во флоте; таким образом, идея Токио использовать ликвидацию тяжелых кораблей в качестве козыря на переговорах, при этом целясь главным образом в авианосцы, могла ему показаться странной. Однако, назначенный представителем Японии, он, как слуга народа, не мог позволить себе никаких сделок, уходящих далеко в сторону от линий, указанных в инструкциях правительства. (Позиция Ямамото в Лондоне несколько походила на тактику Номуры Кичисабуро в Вашингтоне как раз перед тем, как разразилась война. Последний предпринял усилия в поисках компромисса с Англией и США в пределах имевшихся у него инструкций, а также чтобы подготовить фундамент для заключения нового договора.)

7

Начиная с конца октября состоялся ряд встреч. Английскую сторону представляли премьер-министр Рамс Макдональд вместе с министром иностранных дел Саймоном, первым лордом Адмиралтейства Айрес-Монселлом, начальником штаба военно-морского флота Чатфилдом, его заместителем Литтлом и советником министерства иностранных дел Крейгом. Последний из перечисленных, сэр Роберт Крейг, три года спустя отправился в Японию послом.

Америку представляли посол Норман Дэвис и глава морских операций Стендли. Так что делегацию Японии ожидала работа с обеими делегациями, состоявшими из министров или послов и моряков в ранге адмирала. От Японии был Мацудайра, но главный представитель флота Ямамото лишь контр-адмирал; 15 ноября в ходе работы конференции он произведен в чин вице-адмирала, но все равно оставался ниже рангом.

Хотя и ниже чином, Ямамото своими способностями, а еще и своей искренностью заслужил высокую репутацию еще со времен своего визита в Лондон в 1930 году с делегацией, воз-

главлявшейся Такарабе и Сакондзи. Кайя Окинори, также принимавший участие в конференции 1930 года в качестве представителя министерства финансов, говорил о Ямамото: «Каким бы ожесточенным ни был спор, он никогда не проявлял упрямой гордости, но и не стремился просто понравиться. Беседа с ним никогда не оставляла неприятного осадка». Вполне возможно, что на послов и делегатов других стран он производил такое же впечатление. Общаясь с иностранцами, он не врал и не изрекал банальностей, как и при контактах с японской прессой. Ему в самом деле удалось рассеять бытовавшее мнение о японцах как о людях, которым нельзя доверять: двусмысленная улыбка на лице – и нечто совсем другое в мыслях. Именно это позволило ему, всего лишь вице-адмиралу, оказаться на равной ноге с выдающимися фигурами из британской и американской делегаций.

Сохранились записи дискуссий (в основных моментах) с американцами и англичанами, но вдаваться сейчас в детали не имеет смысла. Манера Ямамото выражаться отличалась резкостью, но он мог быть и любезен (если видел в этом необходимость) и при надобности настаивать на своей точке зрения без страха и колебаний. Эномото Сигехару, сопровождавший его, считает, что Ямамото обладал непринужденной манерой поведения. Хорошо владея английским, умел отстаивать свою точку зрения на коктейлях и других подобных встречах. Но в важных вопросах неизменно пользовался японским, и Мизота был его переводчиком. «При переводчике имеешь в два раза больше времени, – говорил Ямамото, – и возможность наблюдать за собеседником и рассчитывать свой следующий ход».

Однажды, как свидетельствуют архивы, американцы задали Ямамото вопрос: «Если Японии удовлетворяло соотношение 5:5:3 на Вашингтонской конференции, почему она начала жаловаться сейчас?» В ответ он сослался на успехи (вдаваясь в детали), достигнутые в авиации, на технические новшества при заправке кораблей в открытом море: раньше была иная ситуация, а расстояния в океанах сократились. Ныне уже невозможно сохранять стратегический баланс при старых пропорциях, даже в морях, омывающих Японию.

В другом случае американцы возражали, что равная морская мощь вовсе не означает автоматически равной безопасности, и предположили, что соотношение 5:3 не представляет угрозы для Японии. «Если американские пять не угроза для японских трех, – возразил Ямамото, – то наверняка японские пять не представят угрозы американским трем».

Вся эта полемика, однако, полна обмана и уверток, а цель – подготовить новое соглашение, насколько возможно, выгодное для Японии; отсюда не следует, что каждая фраза точно отображает личное мнение Ямамото по данному вопросу.

До сих пор сохранились два письма Ямамото, отправленные Миве Йоситаке из «Гровенор-Хаус» в Лондоне. Мива, упоминавшийся ранее, служил младшим помощником в бытность Ямамото морским атташе в Америке и был его фаворитом среди других подчиненных адмирала. К тому же он прирожденный летчик. Первое из двух писем короткое и касается таких незначительных вещей, как результаты игры Ямамото в бридж с американским начальником морских операций; но второе заслуживает того, чтобы процитировать его полностью, поскольку дает, по-видимому, верное представление об образе мыслей Ямамото.

«Дорогой капитан Мива!

Спасибо за твое письмо от 5 октября. Прошу прощения, что задержал ответ, – не столько отсутствие времени, сколько тяжесть ответственности не позволяет мне взяться за перо.

Как я и ожидал, конференция, кажется, будет чревата трудностями; учитывая мои неважные способности и состояние японских вооруженных сил, вероятно, окажется очень трудно провести нашу точку зрения.

Правда, меня удивляет готовность – хотя их это, возможно, и раздражает – трех британских министров, американского посла и начальников морских операций и морского штаба внимательно слушать, по крайней мере внешне,

глупые взгляды, излагаемые „юнцом“ вроде меня; это свидетельствует о том, что Япония стала неизмеримо сильнее со времени Вашингтонской конференции, и я остро ощущаю: пришло время для могущественной империи, встающей на Востоке, посвятить себя, со всей требуемой осмотрительностью, движению вперед, к своей удаче.

Пример, преподанный перед великой войной Германией – которая, если бы у нее хватило терпения на 5–10 лет, сейчас не имела бы соперников в Европе, – говорит о том, что перед нами сейчас стоит задача спокойно и обстоятельно накапливать нашу мощь. Даже если эта конференция окажется безуспешной, я чувствую – недалек тот день, когда Британия и США будут нам кланяться.

Для морского флота сейчас самая срочная задача – обеспечить быстрый прогресс в авиации».

Это письмо датировано 10 ноября 1934 года. Интересно, что Ямамото имел в виду, говоря о «глупых взглядах»; вполне возможно, хотел выразить нечто большее, чем самоумаление, принятое в японском языке, когда речь идет о собственном мнении. Оставшиеся в живых друзья Ямамото сходятся на том, что это, очевидно, «базовая политика императорского правительства», которую он обязан разъяснять. Еще одно становится ясно из этого письма: Ямамото все еще видел будущее Японии в розовом свете, – при этом неоднократное употребление слова «осмотрительность» вызвано страхом, как бы Япония не повторила путь, пройденный Германией в Первой мировой войне.

8

Ни Британия, ни Америка вовсе не были расположены принять японское предложение по установлению общих лимитов военной мощи. И все же существовала незначительная разница между отношением этих стран к японскому плану. Британский подход сравнительно дружественный и открытый для компромисса, в то время как Америка соблюдала дистанцию и не проявляла гибкости. И даже в этом случае американский представитель Норман Дэвис в частной беседе жаловался на пронизательность Ямамото: «Не знаю, то ли это потому, что я по положению уступаю Хьюджесу, то ли потому, что Ямамото выше Като, но если в Вашингтоне превосходство осталось за нами, то на этот раз Ямамото начинает нас одолевать». Упомянутый Като не кто иной, как Като Томосабуро, полномочный представитель Японии на Вашингтонской конференции. Хьюджес – государственный секретарь США Чарлз Хьюджес, председатель Вашингтонской конференции.

В отличие от Японии Америка и Англия предпочитали не менять своих представителей на шедших чередой конференциях, посвященных одной и той же проблеме. Норман Дэвис за 14 лет до этого, в 1920 году, работал на американо-японской конференции по вопросам связи и, похоже, уже тогда оценил потенциал Ямамото. Говорят, что он, в то время помощник государственного секретаря, даже поинтересовался у посла Шидехары, что это за морской офицер – помощник посла, и в ответ сказал:

– Да, есть достойные люди в японском флоте!

Роберт Крейг из британского Форин Офис также придавал Ямамото большое значение. По прибытии в Токио, в сентябре 1937 года, в ранге британского посла он наделал шуму, позволив частным образом заместителю министра Ямамото даже до звонка собственному министру иностранных дел. (Это, кстати, дает материал для размышлений тем, кто клеветает на Ямамото, называя его вассалом Британии и США.)

У представителей Англии, включая советника Крейга, конечно, были свои личные причины для благожелательного отношения к Японии. Существовало два различных взгляда на то, какой курс следовало избрать Англии. Одна сторона считала, что следует оставить Вашингтонский морской договор таким, какой он есть. Другая, и она, кажется, преобладала, полагала, что Британия, традиционно ведущая морская держава, в Вашингтоне вдруг оказалась на равных с новичком Америкой. Пойдут дела и дальше таким образом – Британия рискует в конце концов оказаться позади. На переговорах между Японией и Британией 30 октября министр иностранных дел Саймон выразил большую тревогу: Япония объявит о своем намерении покончить с Вашингтонским морским договором, другие страны останутся вообще без договора, и это приведет к необузданной гонке вооружений. «Америка в данный момент, – добавил он в предупреждении Японии, показывая, что в действительности у него на уме, – располагает огромнейшими ресурсами и невероятно богата, а президент, как я слышал, намерен, если Вашингтонский договор разорвут, затратить огромные деньги на строительство боевых кораблей. Учитывая американский национальный характер, это будет исполнено. Англия осудит такие действия, так как не имеет ни малейшего намерения вступать в гонку с Соединенными Штатами в кораблестроении».

Япония часто использовала термин «национальный престиж» – Британия предпочитала столь же частое употребление слова «уязвимость». Первое, естественно, касается ущерба японской гордости, если Японии как одной из трех морских держав разрешат иметь только 60 процентов от мощи двух других. Британия сама придавала большое значение «национальному престижу», и ее представители заверяли Японию в своем полном понимании ее позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.